

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

ТЮРКОЛОГИЧЕСКИЙ
СБОРНИК
1974

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1978

Д. М. Насилов

ОБ АЛТАЙСКОЙ ЯЗЫКОВОЙ ОБЩНОСТИ (К истории проблемы)

В настоящее время накопленный отечественной тюркологией материал позволяет перейти к созданию сравнительно-исторической грамматики тюркских языков, что, естественно, будет стимулировать дальнейшее углубленное изучение отдельных языков и в целом способствовать общему прогрессу нашей тюркологической науки¹. Именно эта задача поставила перед тюркологией и новые проблемы как в особой организации языковых фактов, так и в методике их использования. Одной из таких дискуссионных проблем является вопрос о возможности и целесообразности привлечения при тюркских реконструкциях данных других алтайских языков, а также степени «зависимости тюркской и общеалтайской сравнительно-исторических грамматик»². Здесь намечаются в общем два противоположных подхода. Мнение ряда тюркологов отчетливо выразил в следующих словах А. Н. Кононов: «. . . единственный путь, с помощью которого можно рассчитывать на успешное решение основной проблемы — создание сравнительно-исторической грамматики тюркских языков, — есть путь, выводящий исследователя за пределы тюркской языковой семьи. Только на основе материалов „алтайских“ языков. . . возможно приблизительно реконструировать фонетический и морфологический строй каждого из членов этой большой семьи»³.

---

¹ См.: «Тюркское языкознание в СССР за пятьдесят лет», — СТ, 1972 № 6, стр. 15—16.

² Там же, стр. 16.

³ А. Н. Кононов, Тюркская филология в СССР. 1917—1967, М., 1968, стр. 22; ср. также: Э. Р. Тенишев, К понятию «общетюркское состояние», — СТ, 1971, № 2, стр. 14—15; Э. А. Макаев, Вопросы построения сравнительной грамматики тюркских языков, — там же, стр. 23—25; М. З. Закиев, Некоторые вопросы формирования сложноподчиненных предложений, — там же, 1972, № 2, стр. 23—31; Н. З. Гаджиева, Основные пути развития синтаксической структуры тюркских языков, М., 1973, стр. 32—58; Н. А. Баскаков, Ареальная консолидация древнейших на-

С другой стороны, утверждается, что «на вопрос о возможности использования монгольских и тунгусо-маньчжурских материалов при реконструкции тюркских праформ необходимо ответить отрицательно»⁴.

Решение этого спорного вопроса зависит во многом от достижений современной алтаистики, определяющихся возможностью предоставить тюркологам (resp. монголистам и т. д.) определенное количество апробированных алтайских реконструкций всех языковых ярусов. Сейчас объем и глубина алтаистических исследований и в нашей стране, и за рубежом год от года возрастают. В связи с этим, видимо, назрела необходимость оглянуться на историю алтаистики, рассмотреть ее становление, а также формирование и развитие некоторых основных алтаистических идей. Представляется, что обращение к истории будет интересным не только для ученых-алтаистов, но и для широкого круга тюркологов, поскольку обобщающих описаний на русском языке явно недостаточно (зарубежные работы часто малодоступны, кроме того, исторические разделы представлены в них обычно эскизно)⁵; к тому же многие ранние алтаистические труды стали ныне библиографической редкостью. Имеющиеся исследования по истории изучения отдельных групп алтайских языков не могут полностью компенсировать этот пробел⁶.

Алтаистика является самостоятельной отраслью общего сравнительно-исторического языкознания. Ее особенность состоит в том, что ей приходится оперировать значительным числом языков (более пятидесяти), объединяемых в три группы близкородственных между собой языков (тюркская, монгольская и тунгусо-мань-

речий и генетическое родство алтайских языков, — «Проблемы общности алтайских языков», Л., 1971, стр. 315—321; С. К. Кенесбаев, К вопросу о тюркско-монгольской языковой общности, — там же, стр. 322—330; Э. В. Севортян, К источникам и методам пратюркских реконструкций, — ВЯ, 1973, № 2, стр. 35—45; А. П. Дульзон, Происхождение падежных аффиксов алтайских языков, — там же, 1973, № 1, стр. 50—63, и др.

⁴ А. М. Щербак, Сравнительная фонетика тюркских языков, Л., 1970, стр. 12; ср.: Г. Дёффер, Можно ли проблему родства алтайских языков разрешить с позиций индоевропеистики?, — ВЯ, 1972, № 3, стр. 50—66.

⁵ См.: Дж. Г. Кнекбаев, Введение в урало-алтайское языкознание, Уфа, 1972; Н. А. Баскаков, Предисловие, — Г. И. Рамstedт, Введение в алтайское языкознание, М., 1957, стр. 5—20; е го же, Предисловие, — В. Котвич, Исследование по алтайским языкам, М., 1962, стр. 5—17; ср. также: J. Benzing, Einführung in das Studium der altai-schen Philologie und der Turkologie, Wiesbaden, 1953; N. Porre, Introduction to Altaic Linguistics, Wiesbaden, 1965; D. Sinor, Introduction à l'étude de l'Eurasie Centrale, Wiesbaden, 1963.

⁶ См.: А. Н. Кононов, История изучения тюркских языков в России. Дюктябрьский период, Л., 1972; Н. А. Баскаков, Введение в изучение тюркских языков, М., 1969; В. А. Горцевская, Очерк истории изучения тунгусо-маньчжурских языков, Л., 1959; K. H. Menges, The Turkic Languages and Peoples. An Introduction to Turkic Studies, Wiesbaden, 1968.

чжурская), иногда сюда присоединяют корейский и японский языки. Поскольку подавляющее число народностей, говорящих на алтайских языках, проживает в пределах нашей страны, исключительно важен вклад отечественных ученых, занимающихся изучением этих языков. Особенно большие успехи достигнуты в советское время, после Великой Октябрьской социалистической революции. Труды отечественных ученых, а также и зарубежных востоковедов послужили основой для успешного развития алтаистических исследований. Совершенно очевидно, что успехи алтаистики зависят от объема имеющегося по каждому алтайскому языку материала и от степени его изученности. Поэтому при обращении к истории алтаистики приходится говорить также и о путях накопления и последовательного введения в научный оборот фактического материала, его объеме и добротности, так как очевидно, что его ограниченность отрицательно сказывалась на общем уровне алтаистики, особенно на начальных этапах ее развития.

С другой стороны, развитие алтаистики неразрывно связано с развитием всей языковедческой науки, и в первую очередь с успехами сравнительно-исторического языкознания, ставшего основой подлинно исторического изучения языков, проникновения в их далекое прошлое и научного доказательства их родственных связей на основе конкретной методики. Осознанное применение методов сравнительно-исторического языкознания к алтайскому материалу поставило перед алтаистами задачу обоснования правомерности объединения тюркских, монгольских, тунгусо-маньчжурских (и других) языков в алтайскую семью. Именно с этого момента и можно говорить о возникновении с о в р е м е н н о й алтаистики как отрасли сравнительно-исторического языкознания. Принимая во внимание сказанное выше, следует считать, что до первой четверти XIX в., т. е. до распространения сравнительно-исторического метода в языкознании, алтаистики как науки собственно и не существовало. Поэтому имевшие место в XVII и XVIII вв. замечания отдельных ученых о связях между алтайскими языками можно расценивать как «донаучные» построения. Однако смотреть на большинство работ того времени лишь как на предмет исторического интереса, а значит, и не касаться всего этого в историческом обзоре, начав его непосредственно с XIX в., представляется не совсем правильным, ибо в этот период накапливались факты, закладывался фундамент, на котором оказалось возможным строить алтаистические исследования в XIX в. Кроме того, сами идеи XVIII в. о связи языков представляют несомненный исторический интерес. Но, с другой стороны, с ними связаны некоторые, как нам кажется, заблуждения в освещении истории алтаистики. Таким образом, указанные причины дают повод в общих чертах затронуть и самый ранний

этап изучения алтайских языков, чему и посвящается настоящая статья.

Интерес к алтайским языкам зародился очень давно. Правда, на первых порах он определялся преимущественно практическими целями, и прежде всего необходимостью общения с носителями этих языков. Затем пробуждаются и чисто научные интересы, особенно после открытия письменных памятников отдельных алтайских языков. В XVII в. появляются первые печатные грамматические описания на европейских языках — грамматики турецкого (1612, И. Мегизер), монгольского (1672, М. Тевено) и маньчжурского (после 1680 г., П. Верби — М. Тевено) языков, с которыми прежде всего столкнулись в Европе при установлении контактов с Востоком. С XVII в. начинается знакомство и с другими алтайскими языками: калмыцким, тунгусскими, якутским, чувашским и пр., хотя отдельные сведения об этих языках и их носителях проникали в литературу и ранее ⁷.

Одним из первых опубликовал сведения о якутском, татарском, эвенском, эвенкийском, бурятском, калмыцком, а также и некоторых финно-угорских и палеоазиатских языках России голландец Николас Витсен (1641—1717) в своем труде «Северная и Восточная Тартария»⁸. Записи отдельных слов, небольшие словарики, переводы молитв (обычно «Отче наш») были собраны Н. Витсеном за время пребывания в Москве (он жил там около года — в 1664—1665 гг. — как член голландского посольства⁹), а также получены позднее уже в Голландии от русских корреспондентов¹⁰. Значение книги Н. Витсена состоит в том, что она познакомила ученый мир с новыми народностями и языками, а также показала важность и необходимость собирания нового материала по многочисленным языкам народностей Севера и Востока.

Активнейшим пропагандистом подобной задачи явился крупнейший немецкий ученый-философ того времени Готфрид Вильгельм Лейбниц (1646—1716)¹¹. Видный математик, физик,

---

⁷ См.: М. П. Алексеев, Сибирь в известиях западно-европейских путешественников и писателей. Введение, тексты и комментарий. XIII—XVII вв., изд. 2, Иркутск, 1941.

⁸ N. Witsen, Noord en Oost Tartarye. . . , Amsterdam, 1692 (изд. 2 — 1705; изд. 3 — 1785).

⁹ См.: С. Е. Фельд, Критика некоторых источников по истории русской геодезии и картографии, — «Труды Ин-та истории естествознания и техники. История геолого-географических наук», М., 1962, т. 42, вып. 3, стр. 174.

¹⁰ См.: А. Н. Кононов, История изучения. . . , стр. 23; И. С. Вдовин, История изучения палеоазиатских языков, М.—Л., 1954, стр. 11—13; В. В. Бартольд, История изучения Востока в Европе и России, Л., 1925, стр. 192.

¹¹ И. Б. Погребыссский, Готфрид Вильгельм Лейбниц. 1646—1716, М., 1971, стр. 178.

психолог, историк, юрист, дипломат, Лейбниц внес свой заметный вклад и в языкознание¹². Резко выступив против весьма популярной в то время теории моногенетического происхождения всех языков из древнееврейского, Лейбниц, естественно, осознал необходимость выяснения родственных отношений между языками на основе серьезных этимологических разысканий по многим языкам; с другой стороны, его наивные диалектические догадки вели к пониманию важности изучения истории языков и связи истории языков с историей народов, отсюда и его убежденность в том, что с помощью языка можно познать и историю народа¹³. «И так как языки вообще являются самыми древними памятниками народов, возникшими до письменности и искусств, то они лучше всего свидетельствуют об их происхождении, родстве и переселениях. Вот почему правильно понятые этимологии были бы крайне интересны и важны, надо только сопоставлять языки нескольких народов и не делать слишком больших скачков от одного народа к другому, очень отдаленному, не имея для этого надлежащих оснований. . . Я желал бы, чтобы ученые поработали также над уэльским, бискайским, славянским, финским, турецким, персидским, армянским, грузинским и другими языками, чтобы лучше установить гармонию между ними, которая, как я только что сказал, окажется особенно полезной при объяснении происхождения народов»¹⁴. Лейбниц был убежден, что «со временем будут записаны все языки вселенной и составлены будут словари их и грамматики и будет произведено сравнение всех языков. . .»¹⁵.

Лейбниц познакомился с трудом «Северная и Восточная Тартария» и вел переписку с его автором около двадцати лет, стремясь пополнить свои знания о северных языках как от самого Витсена, так и через его русских корреспондентов. Он настоятельно добивался получения «образчиков всех языков, употребляющихся в России». После 1712 г., когда Лейбниц был зачислен на русскую службу, он постоянно обращается к русскому правительству, к самому Петру I, его сподвижникам с рекомендациями собрать сведения по этим языкам¹⁶. По его мнению, лучше всего было для

¹² В. Томсен, История языковедения до конца XIX века (Краткий обзор основных моментов), М., 1938, стр. 44—45.

¹³ См.: М. В. М а ч а в а р и а н и, Воззрения Локка и Лейбница о языке. Автореф. канд. дисс., Тбилиси, 1958; Г. Г. М а й о р о в, Гносеология Готфрида В. Лейбница. Автореф. канд. дисс., М., 1969; В. Л. Г е р ь е, Лейбниц и его век, СПб., 1868.

¹⁴ Г. В. Л е й б н и ц, Новые опыты о человеческом разуме, М.—Л., 1936, стр. 248—249.

¹⁵ Там же, стр. 296.

¹⁶ См.: В. Л. Г е р ь е, Лейбниц и его век, т. II (Отношения Лейбница к России и Петру Великому по неизданным бумагам Лейбница в Ганноверской библиотеке), СПб., 1871; С. К. Б у л и ч, Очерк истории языкознания в России, т. I (XIII в. — 1825), СПб., 1904.

этой цели получать подстрочные переводы на разные языки одинакового текста, а также составлять «списки обыкновенных, самых употребительных слов». В качестве такого текста-теста Лейбниц предложил использовать молитву «Отче наш» (ведь по идее Лейбница нужно было еще и нести «свет религии темным народам!»).

Не объясняется ли огромным влиянием авторитета Лейбница то, что популярные в XVIII в. «Словари всех языков и наречий» составлялись преимущественно по переводам «Отче наш» и небольшим спискам слов! Это имело и свои отрицательные последствия, так как ограничивало собираемые материалы.

Несмотря на скудные сведения, Лейбниц неплохо для своего времени ориентировался в «туземных» языках России, пытаясь их классифицировать. «Я до сих пор знаю в Скифии только 3 очень распространенных языка: 1) сарматский, на котором говорят русские, словаки, поляки, богемцы; 2) татарский, на котором говорят турки, калмыки, монголы; 3) финский употребляется лапонцами, финляндцами, венгерцами. . . Я не знаю, куда отнести. . . язык самоедов, сибиряков, мордвы, черкесов и черемисов. . .» (из письма к Убриху, 1708 г.)¹⁷. Хотя эти его попытки объединения языков, в том числе и алтайских, были неточны (опять-таки из-за скудости сведений), они строились Лейбницем на совершенно реальной основе языковых сопоставлений, что было огромным шагом вперед для лингвистики того времени¹⁸.

Таким образом, Лейбниц своей деятельностью возбудил интерес к языкам многонациональной России. «Он положил начало традиции „признания“ России великими культурными деятелями западноевропейского мира»¹⁹. Своими лингвистическими занятиями он многое сделал для утверждения взгляда о возможности через язык прояснить историю народа. Уже в начале XIX в. Ф. Аделунг отметил, что «мысль о соединении всех языков земного шара в одно целое, дабы пояснить из того происхождение, связь и переселения народов, столь обыкновенна, что уже с давнего

---

¹⁷ См.: В л. Г е р ь е, Лейбниц и его век, т. II, стр. 71. Лейбниц одним из первых познакомился с известным тюркским памятником Codex Cumanicus, который он верно определил как «образчик языка куман», относящегося к «татарским», и использовал в своей работе (см. там же, стр. 7); ср.: К. Г р ö н б е с c h, Kumanische Wörterbuch. Türkischer Wortindex zu Codex Cumanicus, København, 1942.

¹⁸ См.: G. L e f m a n n, Zur Geschichte der Sprachwissenschaft der neuen Zeit, — ZfVps, 1871, Bd VII, 4, стр. 358—364; G. v. d. G a b e l e n t z, Die Sprachwissenschaft, ihre Aufgaben, Methoden und bisherigen Ergebnisse, Leipzig, 1891, стр. 27; L. R i c h t e r, Leibniz und sein Russlandbild, Berlin, 1946, стр. 75—87.

¹⁹ И. Ч у ч м а р е в, Г.-В. Лейбниц и русская культура. Из истории международных научных и культурных связей, М., 1968, стр. 42.

времени занимала ученых всех стран»²⁰. Лейбниц своими многочисленными «коррешпонденциями» (письмами) фактически определил программу собирания лингвистического материала у малых народностей России. Осуществлению его устремлений способствовал тот процесс освоения Севера и Востока России, который интенсивно происходил в петровское время. «Петр I еще в начале своего царствования отчетливо сознавал, что будущее России в силу ее географического положения неразрывно связано с Востоком и что изучение Востока и его языков является одной из первоочередных задач, возникших перед Россией»²¹.

С этого времени становится правилом поручать собирать языковой материал разнообразным экспедициям по России, а также и должностным лицам на местах. Среди первых таких экспедиций следует назвать многолетнее путешествие по Сибири немецкого ученого Даниила Готлиба Мессершмидта (1685—1735), предпринятое им в 1720—1727 гг. по поручению Петра I²². Хотя Мессершмидт отправлялся в поездку исключительно для изучения «царства животного, растительного или минерального», он значительно расширил свои научные занятия и в результате доставил в Петербург ценнейшие обширные материалы не только по зоологии и ботанике, но и по минералогии, медицине, географии и картографии, археологии, этнографии, истории и языкознанию. Не приходится удивляться столь многогранной и плодотворной деятельности ученого-путешественника: Мессершмидт получил хорошее для того времени естественнонаучное образование в университетах Йены и Галле. Он с детства увлекался изучением классических языков, а царившая тогда в Галле атмосфера интереса к Востоку и восточным языкам, видимо, повлияла и на Мессершмидта²³.

В его экспедиционных материалах содержатся записи по алтайским языкам: якутскому, чулымскому, барабинскому, калмыцкому, бурятскому, монгольскому, эвенскому, эвенкийскому; уральским языкам и палеоазиатским. Ныне эти записи представляют собой незаменимый, а часто и единственный источник

²⁰ «Извлечения из сочинения. . .» Ф. Аделунг. Заслуги Екатерины Великой по сравнительному языкознанию», — «Соревнователь просвещения и благотворения», СПб., 1818, ч. 1, № 2, стр. 273—274.

²¹ А. Н. Кононов, История изучения. . ., стр. 25.

²² См.: М. Г. Новлянская, Даниил Готлиб Мессершмидт и его работы по исследованию Сибири, Л., 1970; D. G. Messerschmidt, Forschungsreise durch Sibirien. 1720—1727. Hrsg. von E. Winter und andere, — «Quellen und Studien zur Geschichte Osteuropas», Bd VIII, T. 1—5, Berlin, 1962—1970; ср.: А. Н. Кононов, История изучения. . ., стр. 47—48; И. С. Вдовин, История изучения. . ., стр. 13—14.

²³ См.: E. Winter, Halle als Ausgangspunkt der deutschen Rußlandkunde im 18. Jahrhundert, Berlin, 1953, стр. 290—302.

сведений о состоянии данных языков в первой четверти XVIII в.²⁴. Оценку тунгусо-маньчжурских материалов, собранных Мессершмидтом, данную Г. М. Василевич, можно отнести и к его сведениям по другим языкам: «Широко эрудированный в области языков, Мессершмидт стремился в своих записях точнее отразить произношение каждого слова, отмечая почти все долгие звуки и в большинстве случаев правильно различая две фонемы *i* и *y*. . . [он] вел записи слов, по-видимому, по заранее заготовленному списку, включавшему кроме предметных слов числительные, прилагательные и некоторые наречия. В дальнейшем он перешел на запись по темам (животные, птицы, рыбы, растения и некоторые слова из быта). . . Попутно обращал внимание на формы множественного числа, уменьшения и рода (по половому признаку). В отдельных случаях им записаны синтаксические сочетания»²⁵. Мессершмидт не только фиксировал новые слова, но и перепроверял при случае свои прежние записи, а также возвращался при последующей обработке материалов к сопоставлению записей, произведенных в разные годы и в разных местах. Так, 21 августа 1723 г. Мессершмидт записывает у тунгуса названия птиц, а 26 августа у него же — названия трав, но в то же время перепроверяет правильность предыдущей записи; или, например, им были позднее сопоставлены три записи по енисейским языкам от 26 декабря 1721 г., 12 и 16 июня 1723 г. и сделано замечание о том, что «кагмасинский язык» скомбинирован из «лак-остяцкого» и «тавги-самединского»²⁶. Используя языковые сопоставления, анализируя народные легенды и этнографические данные, ученый пытался иногда показать этническую историю отдельных народов Сибири, как-то классифицировать их. «Всего в древности он насчитывал четыре основных класса (или группы) народов: 1) древ-

²⁴ См.: А. П. Дульзон, Чулымско-тюркский язык, — «Языки народов СССР», т. II. Тюркские языки, М., 1966, стр. 446; е го же, Словарные материалы XVIII века по кетским наречиям, — УЗ ТомПИ, 1961, т. 19, вып. 2, стр. 152—189; е го же, Кетские наречия первой половины XVIII в., — «Труды Томского областного краеведческого музея», 1963, т. 6, вып. 2, стр. 38—44; Г. М. Василевич, К вопросу о тунгусах и ламутах Северо-Востока в XVII—XVIII вв., — УЗ ИЯЛИЯФ, 1958, вып. 5, стр. 92—106; е е же, Значение дневников Мессершмидта для тунгусоведения, — «Иzv. CO AH СССР, сер. обществ. наук», 1969, № 6, вып. 2, стр. 116—122; И. С. Вдовин, История изучения. . ., стр. 13—14 (оценку филологической деятельности Мессершмидта следует здесь признать несправедливой); С. К. Булич, Очерк истории. . ., стр. 201—202; В. В. Бартольд, История изучения. . ., стр. 212; А. Н. Кононов, История изучения. . ., стр. 48.

²⁵ Г. М. Василевич, Значение дневников. . ., стр. 118—119; ср.: А. П. Дульзон, Кетские наречия первой половины XVIII в., стр. 38—39.

²⁶ См.: D. G. Messerschmidt, Forschungsreise. . ., т. 1, стр. 163; т. 2, стр. 66—67, 70—71, 118, 121.

них гуннов и скифов, 2) арабов, сарматов и скифов, 3) азиатских обских скифов, 4) восточных или северо-восточных скифов. К первому классу он относил остяков, вотяков, черемисов, вогуличей и кондоров, самоедов. Ко второму — татар, башкир и якутов, а к третьему — калмыков, монголов, тунгусов, „мансуров“ (т. е. маньчжуров. — Д. Н.), „тангутов“ (т. е. тибетцев. — Д. Н.). Наконец, к четвертому — камчадалов, ламутов, коряков, юкагиров. Следует заметить, что. . . Мессершмидт искал свидетельства о племенах Сибири у древних авторов, например, их изображения у Плиния»²⁷.

К сожалению, эти богатые лингвистические материалы не были в свое время ни полностью опубликованы, ни должным образом использованы (они, несомненно, и сейчас заслуживают глубокого, всестороннего изучения как источник для истории сибирских языков).

Косвенно результаты лингвистических занятий Д. Г. Мессершмидта отразились и в известном труде шведа Филиппа Иоганна Таберта-Страленберга (1676—1747) «Северная и Восточная часть Европы и Азии»²⁸. Страленберг, живший более десяти лет в Тобольске, занимался собиранием различных материалов для описания Сибири²⁹. Интересовался он и языками народностей Сибири. С именем Страленберга связано также приобретение рукописи «Родословная тюрков» Абу-л-Гази Бахадур-хана и ее первые переводы³⁰. Во время пребывания Мессершмидта в Тобольске Страленберг помогал ему в работе, а затем в течение 14 месяцев (март 1721—май 1722 г.) был «честным, набожным, верным и прилежным помощником» в экспедиции³¹.

Совместная работа была, видимо, полезна обоим исследователям. Не случайно, что именно из Тобольска сообщал Мессершмидт о своем решении расширить программу научных наблюдений и заняться историей, археологией, этнографией и языками сибирских народов, что могло быть вызвано знакомством с материалами Страленберга и других пленных шведских офицеров.

²⁷ В. Г. Мирзоев, *Историография Сибири. XVIII век*, Кемерово, 1963, стр. 17; ср.: М. Г. Новлянская, Д. Г. Мессершмидт. . ., стр. 173, 177—178.

²⁸ P h. I. S t r a h l e n b e r g, *Das Nord- und Östliche Theil von Europa und Asia. . .*, Stockholm, 1730.

²⁹ См.: М. Г. Новлянская, *Филипп Иоганн Страленберг. Его работы по исследованию Сибири*, М.—Л., 1966 (здесь же библиография).

³⁰ См.: А. Н. Кононов, *История приобретения, переводов, изданий и изучения сочинения Абу-л-Гази «Родословная тюрков»*, — СТ, 1971, № 1, стр. 3—12.

³¹ См.: М. Г. Новлянская, Ф. И. Страленберг. . ., стр. 32—43; е е же, Д. Г. Мессершмидт. . ., стр. 20—34; Г. Ярош, Ф. И. Страленберг — спутник исследователя Сибири Д. Г. Мессершмидта, — *Изв. СО АН СССР, сер. обществ. наук*, 1968, № 1, вып. 1, стр. 68—72.

Со своей стороны, Мессершмидт не мог не способствовать систематизации лингвистических знаний и интересов своего спутника, пробудив в нем, возможно, стремление сопоставлять языки между собой, чтобы обратиться к истории народов. Во всяком случае, мы имеем прямое свидетельство того, что лингвистические проблемы обсуждались двумя путешественниками. Так, Мессершмидт записывает в своем дневнике от 30 мая 1722 г., что он, приводя в порядок свои заметки, зафиксировал разговор с Таббертом о татарском языке: тюркский, или татарский, язык весьма распространен, но «он имеет и большие различия»: его диалекты сильно разнятся произношением, а иногда и словами³². Страленберг сожалел об отсутствии «своего близкого друга» (так он обычно называет Мессершмидта в своей книге), который один мог бы в совершенстве обработать сибирские материалы. За те годы, которые предшествовали изданию книги Витсена, с трудами Лейбница и др. Кроме того, по имеющимся сведениям, ему помогали советами немецкий лингвист Иоганн Леонард Фриш и ориенталист Г. Я. Кер³³.

Для нас в книге Страленберга интерес представляют его классификация народов Сибири и сопоставительные таблицы 32 языков, которые сведены в «*Tabula Polyglotta*», или «*Gentium Boreo-Orientalium vulgo Tatarorum Harmonia Linguarum, oder Specimen einiger Zahlen und Wörter derer in dem Nord-Östlichen Teil von Europa and Asia wohnenden Tatar- und Hunno-Scythischen Abstämmings-Völker. Aus welchen nebst anderen historischen Umständen zu ersehen sein wird, wie solche vor Zeiten entweder unter sich oder mit andern westlichen Völkern combinirt gewesen. . .*» («Список слов на многих языках», или «Свод языков северо-восточных народов, в просторечии татар, или Образцы некоторых чисел и слов татарских народов и народов — потомков гунноскифов, которые живут в северо-восточной части Европы и в Азии. Из коих, наряду с другими историческими сведениями, можно будет усмотреть, как эти народы в давние времена смешивались либо между собой, либо с другими западными народами. . .») ³⁴,

³² D. G. Messerschmidt, Forschungsreise. . . , т. I, стр. 225—226; ср. письмо Страленберга К. Ф. Вреху от 28.VII.1723 г., где он рассуждает о многообразии и своеобразии языков в Сибири (в кн.: E. Winter, Halle als Ausgangspunkt. . . , стр. 468—469).

³³ См.: М. Г. Новлянская, Ф. И. Страленберг. . . , стр. 77, 84—85.

³⁴ Здесь нельзя не обратить внимания на тот факт, что в бумагах Г. Л. Хр. Бакмейстера находится написанный рукой Д. Г. Мессершмидта список числительных, весьма похоже озаглавленный: «*Specimen der Zahlen einiger Orientalischen und Sibirischen Völker, woraus unter andern Merkmalen auch zu ersehen seyn mögte, wie etwa solche vor Zeiten sowohl unter sich, als mit andern westlichen Völkern combinirt gewesen*» («Образцы чисел у некоторых восточных и сибирских народов, из коих среди прочего можно пред-

а также отдельные слова сибирских народов, встречающиеся в тексте книги. Народы, которых на Западе до этого по незнанию обычно называли обобщенно татарами, разделены на шесть классов. Это деление частично совпадает с региональным делением Сибири и Великой Татарии, представленным на карте России и Великой Татарии того же автора («Nova Descriptio Geographica Tatariae Magnae etc.»). Книга, по замыслу автора, должна была быть историко-географическим толкованием этой подготовленной карты, но по ряду причин замысел не удался; и карта, и книга появились в один год (1730), а книга переросла из легенды к карте в «историко-географическое описание древнего и нового времени и со многими неизвестными сведениями. . .»³⁵. По-видимому, все это не могло не сказаться на четкости и ясности классификационных принципов и на последовательности изложения и объяснения фактического материала.

Как представляется, Страленберг определял указанные шесть классов народов на основе географических, политико-административных, религиозных, исторических, а также этнолингвистических принципов. В силу этого классификация получилась переkreщивающейся и непоследовательной. Так, в первый класс в «Tabula Polyglotta» объединены народы, образующие в совокупности обро-венгерскую и финскую «нации», имеющие «единый диалект», живущие в Европе и Азии, прародителями которых являлись гунны, или унны. Образчики языков здесь представлены венгерскими, финскими, вогульскими, мордовскими, черемисскими, пермяцкими, вотяцкими и остяцко-хантыйскими словами (список состоял из 60 слов³⁶). Второй класс составляют тюркские народы (как образчики языков даются слова якутские, чувашские и сибирскотатарские). Третий класс — шесть самоедских народов; языки народов каждого из данных классов близки между собой. Народы четвертого класса «не состоят под одним управлением», но родственны по вере или издавна входили в один союз — указаны калмыки, маньчжуры и тибетцы, в то же время в пятый класс попали семь народов, «стоящих под управлением русских в Сибирской губернии», причем тунгусы, хотя их три вида, имеют «сходный диалект», а другие четыре народа (камасинцы, арины, коряки, курилы) имеют мало общего в языке. Наконец, пять

положить, как эти народы некогда смешивались как между собой, так и с другими западными народами). В списке 20 языков: сначала идут девять финно-угорских, затем — якутский, татарско-сибирский, за ними — тунгусский, маньчжурский, ламутский, потом — калмыцкий, или монгольский, тибетский, китайский и др. (см.: F. A d e l u n g, Catherinens der Grossen Verdienste um die vergleichende Sprachenkunde, St.-Pbg., 1815, стр. 8—9).

³⁵ См.: М. Г. Н о в л я н с к а я, Ф. И. Страленберг. . ., стр. 48—49, 70—84.

³⁶ О списке слов подробнее см.: А. Н. К о н о н о в, История изучения. . ., стр. 51.

народов шестого класса живут между Черным и Каспийским морями и отличаются друг от друга именно языками, хотя все они говорят на крымскотатарском языке (здесь, видимо, подразумевается то, что в пределах Ногайской орды языком общения разных народностей был тюркский язык).

К принципам деления карты на регионы и к указанным шести классам народов Страленберг обращается в 3-м разделе Введения (стр. 28—55), причем много места он уделяет здесь отождествлению названий этих народов у древних авторов, пытается построить пути их миграций и тем самым определить родственные связи между народами (эти построения Страленберга, как правило, надуманны и фантастичны). Подчеркнув еще раз, что под татарами неправильно понимаются различные народы Сибири, автор указывает, что в каждом из шести классов должны быть выделены главные народы, или «нации» (разрядка наша. — *Д. Н.*), а именно: в первом — угорско-финские (стр. 31—32), во втором — тюркские (стр. 34—35), в третьем — самоеды, в четвертом — халха-монголы и калмыки (это и есть собственно татары! — стр. 37—50), в пятом — тунгусы, которые составляют один народ с маньчжурами (разрядка наша. — *Д. Н.*), живущими в Китае (стр. 51—53). В этот же класс включены живущие на северо-востоке юкагиры, коряки, чукчи, камчадалы, лиуторы, курилы, которые, как указывалось, говорят на разных языках, ввиду чего автор не знает, как соотнести между собой данные народы (стр. 53—55).

В целом эта классификация народов была заметным шагом вперед на фоне тогдашней науки. Располагая неизмеримо большим объемом достоверных сведений о народностях Сибири, чем его предшественники, Страленберг, как видно, достаточно правильно распределил по родственным связям даже отдаленно обитающие друг от друга народы, что становится ясным из сравнения с упоминавшимися выше попытками Витсена, Лейбница³⁷, Мессершмидта. Следует также учитывать, что многие сведения о народах он получал из вторых рук, а то и просто понаслышке, поэтому с накоплением более точных данных классификация Страленберга стала уточняться фактически сразу же после выхода книги.

В определении родственных связей между народами Страленберг большое место отводил языкам; на основе последних он стремился описать историю народов, следуя принципу *vocabula sunt vestigia, ubi regum cubicula*. Об этом он специально говорил в 4-м разделе Введения (стр. 55—72) — «О *Tabula Polyglotta* и ее по-

³⁷ Ср., однако, правильно выделенную Лейбницем на основе достаточных данных группу славянских языков (см.: *L. Richter, Leibniz und sein Russlandbild*, стр. 82—84, прил. — схема «Место славянских языков. . .»).

лезности в разысканиях по древней истории». Правильно понимая, что нельзя при установлении родственных связей между народами полагаться только на их самоназвания или названия их у соседних народов и что в этом деле полезно сравнение языков, как оно, например, представлено в его «*Tabula Polyglotta*» (даже по числительным можно узнать различия в диалектах — стр. 58), и необходимо этимологизирование «различных древних слов», Страленберг именно в последнем, т. е. в своих этимологических описаниях и в выводах из них, оказался совершенно беспомощным и наивным исследователем. За это он был не без оснований подвергнут резкой критике уже своими современниками как «страстный любитель этимологизации, часто не знающий границ своей фантазии»³⁸. С другой стороны, труд Страленберга и его карта были высоко оценены с точки зрения того, что они внесли нового в познание Сибири; по словам В. Н. Татищева, Страленберг «во многих обстоятельствах света окно отворил»³⁹. В целом же «научное качество и научная достоверность труда Страленберга снижалась отсутствием у него необходимой теоретической подготовки и в силу этого — критерия, определяющего истинность фиксируемых событий»⁴⁰.

Каков же объективно вклад Страленберга в изучение алтайских языков? Прежде всего им было показано обилие и разнообразие народов Сибири, скрывавшихся ранее за неопределенным именем «татары». Многие этнические наименования, нанесенные на карту, наглядно рисовали картину расселения народностей в начале XVIII в., поэтому карту Страленберга можно рассматривать как одну из первых подробных этнических карт России. Страленберг собрал новый лексический материал по малоизвестным языкам, правда, его записи не отличаются точностью⁴¹. Он весьма удачно сгруппировал финно-угорские, тюркские, самодийские, тунгусские, монгольские народы, определив близость языков в каждой из групп, что нашло отражение и в его «*Tabula Polyglotta*». Высказал он и предположение об общности самодийских народов с финно-угорскими, правда опираясь при этом на этногенетические легенды, а не на языковые данные (и те и другие принадлежат к «гуннским народам», это, видимо, «гипербореицы» древних авторов — стр. 36—37). В работе были также зарегистрированы этнографические сведения об алтайских народах.

³⁸ Цит. по: С. К. Булич, Очерк истории. . . , стр. 202; ср.: М. Г. Новлянская, Ф. И. Страленберг. . . , стр. 84—86; И. Э. Фишер, Сибирская история с самого открытия Сибири, СПб., 1774, стр. 6, 58, 73 и др.; [Ф. Миллер], О народах, издревле в России обитавших, СПб., 1773, стр. 3—5, 24, 46 и др.

³⁹ Цит. по: М. Г. Новлянская, Ф. И. Страленберг. . . , стр. 86.

⁴⁰ В. Г. Мирзоев, Историография Сибири. XVIII век, стр. 21.

⁴¹ См.: И. С. Вдовин, История изучения. . . , стр. 15—16.

Таким образом, классификация Страленбергом алтайских народов и — шире — урало-алтайских, а также соответствующих языков явилась весомым вкладом в науку и в дальнейшем подвергалась незначительным уточнениям, преимущественно за счет более точной атрибуции самих народов и расширения, по мере изучения, их числа в каждой группе.

В заключение хотелось бы отметить два момента в оценке вклада Страленберга в алтаистику. Во-первых, сложилось мнение, что деление народов на шесть классов Страленберг производил исключительно на основе сравнения их языков и что в «*Tabula Polyglotta*» как раз и проводится это сравнение. А если в один класс попадают разные народы, да еще приведены рядом списки слов из их языков, то получается, что Страленберг не разобрался в родстве языков, что им «не выдержан принцип языкового родства». В данном случае ссылаются обычно на его 4 (калмыки, маньчжуры, тибетцы), 5 (тунгусы, палеоазиаты) и 6-й классы. Как было сказано выше, именно эти классы народов выделялись не по языковым признакам (ср., например, указание Страленберга на то, что тунгусы и маньчжуры «составляют один народ», хотя они отнесены им соответственно в 5-й и 4-й классы). Поэтому нет достаточных оснований отождествлять классификацию Страленбергом народов Сибири и Великой Татарии с классификацией их языков.

Во-вторых, Страленберга иногда считают чуть ли не зачинателем алтаистики, который первым «доказал» родство алтайских языков, «установил» типологическое сходство алтайских и финно-угорских языков, а его работа оценивается как исходный пункт последующих алтаистических (или, шире, урало-алтаистических) исследований. Представляется, что такая оценка является излишней модернизацией подхода Страленберга к описываемым им фактам⁴². В его работе отсутствует самый главный «алтаистический» постулат: указание на языковое родство тюркских, тунгусо-маньчжурских и монгольских народов и их языков. И уже только поэтому его нельзя считать первым алтаистом, если, конечно, под этим не понимать любого, кто вообще упоминает так называемые алтайские народы и их языки. Страленберг не был языковедом (даже в понимании того времени), и в его книге не содержится какой-либо законченной лингвистической концепции. Однако ему первому удалось дать наиболее точную для своего времени картину языкового мира северо-восточных народов (и этих его заслуг никак нельзя умалить!). Остается только повторить, что алтаистика возникает как от-

---

⁴² Ср.: А. А. Леонтьев, Предисловие, — Ф. М. Березин, Очерки по истории языкознания в России (конец XIX — начало XX в.), М., 1968, стр. 3—5.

расль языкознания лишь тогда, когда на соответствующем материале строится лингвистическая теория, как таковая, оперирующая набором лингвистических понятий на основе определенных лингвистических методов, т. е. алтаистика является продуктом известного уровня развития теоретического языкознания, сравнительно-исторического метода в нем.

Изучение алтайских народов и пополнение сведений об их языках интенсифицируется с ростом числа научных экспедиций в восточные районы России, особенно после создания в 1724 г. Академии наук в Петербурге⁴³. С этого времени становится правилом поручать различным экспедициям попутное собирание лингвистического и этнографического материала по малоизученным народностям России.

Следует заметить, что идея о привлечении данных языков для решения этногенетических проблем в этот период наиболее последовательно реализовывалась в работах историков⁴⁴. Достаточно сослаться на труды Г. Ф. Миллера и И. Э. Фишера по истории Сибири. Г. Ф. Миллер, следуя принципу, «что самыми вескими доказательствами происхождения того или иного народа являются те, которые основаны на его языке»⁴⁵, много сделал для собирания нового лингвистического материала⁴⁶. В своих трудах он постарался уточнить родственные связи между народами, более точно характеризовал языки. Так, он обратил внимание на большой пласт монгольских и бурятских слов в якутском языке, внес поправки в данные Страленберга о языке дауров, аринцев, томских остяков и др. «На место произвольных домыслов предшествующей историографии Миллер обосновал научный метод использования лингвистических данных, основанный на принципе сличения, сопоставления и взаимной проверки данных»⁴⁷. По его стопам шел также И. Э. Фишер, который в своей «Сибирской истории» широко пользовался сопоставлением языков. «Я собрал словарь на 40 языков, из которых в каждом 300 слов содержится»⁴⁸. «При всем том охотно я признаюсь, что произве-

⁴³ См.: П. Пекарский, История имп. Академии наук в Петербурге, т. I—II, СПб., 1870—1872; е г о ж е, Наука и литература в России при Петре Великом, т. I, СПб., 1862; «История Академии наук», т. I—II, М.—Л., 1958—1964.

⁴⁴ В отечественной литературе первым и в то же время удачным опытом использования данных языка для установления связей между народами следует признать работу Г. Новицкого об остяках, которая стала известна в немецком переводе уже в 1720 г. (см.: Г. Н о в и ц к и й. Краткое описание о народе остяком, 1715, Новосибирск, 1941).

⁴⁵ Г. Ф. Миллер, История Сибири, т. I, М.—Л., 1937, стр. 183.

⁴⁶ См.: А. Н. Кононов, История изучения. . ., стр. 53.

⁴⁷ В. Г. Мирзоев, Историография Сибири. XVIII век, стр. 131.

⁴⁸ И. Э. Фишер, Сибирская история с самого открытия Сибири. . ., СПб., 1774, стр. 99; см. еще стр. 64—67, 71 (о тунгусах), 105 и др.

дение слов само по себе есть недостаточно к показанию сродства языков; когда оно имеет подпорою географию и историю древних и средних времен, также общие нравы и обыкновения народов, то, по мнению моему, можно с основанием заключать из одного о другом»⁴⁹.

Говоря об изучении алтайских языков в XVIII в., нельзя не упомянуть имен еще двух деятелей русской культуры и науки того времени — В. Н. Татищева и М. В. Ломоносова. С именем первого связана, прежде всего, организация планомерного соби- рания по заранее составленным анкетам и вопросам лингвистического материала⁵⁰. В. Н. Татищев и сам интересовался языками народов, населяющих Россию, предпринимал попытки их классификации, в своих исторических трудах стремился увязать историю народа и его язык. Особенно известны его замечания на работу Страленберга (с которым, кстати, он лично встречался), где сделано много уточнений в отношении этногенеза народностей благодаря использованию русских исторических источников (147 поправок в транскрипции и 225 фактических)⁵¹.

Гениальный русский ученый М. В. Ломоносов, который оставил ярчайший след в мировой науке XVIII в., может быть по праву причислен к первым ученым-лингвистам, предвосхитившим целый ряд идей последующего этапа в развитии науки о языке. «На фоне беспорядочного сопоставления самых различных языков, как родственных, так и неродственных, характерного как для зарубежного, так и для русского языкознания XVIII в. . . . Ломоносова характеризует строгость в определении языкового родства. . . Не ограничиваясь установлением языкового родства, Ломоносов стремится выяснить, что собой представляет это языковое родство, как установились те отношения, которые связывают родственные языки. Он объясняет эти отношения в целом так же, как объясняло их последующее сравнительно-историческое языкознание, — как результат развития из единого в прошлом источника»⁵².

Последняя четверть XVIII в. ознаменовалась также появлением лексикона «Сравнительные словари всех языков и наречий» (1787), где 285 слов были представлены в переводах среди прочих

⁴⁹ Там же, стр. 105—106.

⁵⁰ См.: А. Н. Кононов, История изучения. . . , стр. 70—73; И. С. Вдовин, История изучения. . . , стр. 17—39; Н. Попов, В. Н. Татищев и его время, М., 1861, стр. 440—575.

⁵¹ См.: В. Г. Мирзоев, Историография Сибири, XVIII век, стр. 63—76; Н. Попов, В. Н. Татищев. . . , стр. 586—587; В. Н. Татищев, Избранные труды по географии России, М., 1950, стр. 173—183, 224 (прим. 25).

⁵² П. С. Кузнецов, У истоков русской грамматической мысли, М., 1958, стр. 50—51; ср.: его же, [рец. на:] М. В. Ломоносов. Полное собрание сочинений, т. 7 — Лингвистический обзор, — ВЯ, 1953, № 6, стр. 113—120; Булич, Очерк истории. . . , стр. 216—219.

и на 149 языков «азиатских»⁵³. Словарные материалы, собранные тщанием прежде всего Г. Л. Х. Бакмейстера и других энтузиастов этого дела, были при поддержке Екатерины II обработаны ученым-энциклопедистом того времени Петром Симоном Палласом (1741—1811)⁵⁴. Кроме числительных и местоимений в словник входили термины родства, названия частей тела, пяти чувств, явлений природы, времен года, растений, некоторых животных, цветов, главнейших действий человека, свойств и состояний предметов и т. п. Таким образом, были представлены важнейшие слова словарного состава любого из языков. Из алтайских языков в словаре были зарегистрированы 20 тюркских языков и диалектов, из тунгусо-маньчжурских — семь диалектов эвенкийского языка, два эвенского, маньчжурский, из монгольских — монгольский, бурятский, калмыцкий языки. С небольшими исправлениями это же было повторено во втором издании словаря⁵⁵.

Между тем богатые подготовительные материалы, содержащие десятки списков слов по разным, в том числе и алтайским, языкам, остались лежать в дворцовых и академических архивах. К сожалению, за малым исключением, эти лексические и грамматические (что особенно важно!) материалы остаются не использованными алтаистикой до сего дня.

Таким образом, к началу XIX в. был накоплен и стал известен науке некоторый, преимущественно лексический, материал по алтайским языкам. Наибольшим объемом отличались сведения по тюркским языкам. Кроме уже имевшихся и новых грамматик турецкого языка начинают появляться и первые грамматики других тюркских языков — чувашского (1769), татарского (1778, 1801). На втором месте стояли монгольские языки, из них калмыцкий был представлен даже рядом печатных вокабуляриев. Из тунгусо-маньчжурских языков лишь маньчжурский язык был наиболее известен не только со стороны лексической, но отчасти и грамматической, другие же языки (в основном эвенкийский и эвенский) были известны через списки отдельных слов⁵⁶.

⁵³ «Сравнительные словари всех языков и наречий, собранные десницею Высочайшей особы». Отделение первое, содержащее в себе европейские и азиатские языки, ч. I, СПб., 1787.

⁵⁴ Подробнее об истории создания словаря и его характеристику см.: А. Н. Кононов, История изучения. . ., стр. 84—88; И. С. Вдовин, История изучения. . ., стр. 53—67; С. К. Булич, Очерк истории. . ., стр. 219—232; F. A d e l u n g, Catherinens der Grossen Verdienste. . ., стр. 1—210; Ф. П. Кеппен, Ученые труды П. С. Палласа, СПб., 1865, стр. 13—14, 48 и сл.; И. А. Окрокверцова, Путешествия Палласа по России, Саратов, 1962, стр. 5, 45—50.

⁵⁵ См.: «Сравнительный словарь всех языков и наречий, по азбучному порядку расположенный», ч. I—IV, СПб., 1790—1791.

⁵⁶ Подробнее о материалах по «инородческому» языкам, собранных в XVIII в. в России, и об изучении последних см.: С. К. Булич, Очерк истории. . ., стр. 190—232, 365—520.

На основании имеющихся сведений становятся возможными попытки выделить среди алтайских народностей и их языков родственные группы: устанавливается общность тюркских народов, владеющих разными тюркскими языками, монгольских — монголов, бурятых и калмыков, а также тунгусских народов и маньчжуров. Выделение подобных групп в отношении языков можно рассматривать как первые классификации алтайских языков. Поскольку к тому времени уже существовали грамматики отдельных языков каждой из групп алтайских языков, можно было составить представление о типологических особенностях этих языков. И действительно, такая характеристика несколько позже нашла себе место в трудах Р. Раска.

В теоретическом языкознании того времени, за исключением гениальных догадок и предвидений Г. Лейбница и М. В. Ломоносова, еще не существовало ясного и четкого понимания научно доказуемого родства между отдельными языками, поэтому вряд ли можно квалифицировать различные наивные построения о связях между алтайскими языками как «первые алтаистические гипотезы» и тем самым относить возникновение алтайской гипотезы к середине XVIII в.⁵⁷ Исследования XVIII в. составили ту фактологическую базу (пусть еще очень слабую), на которой в XIX в. успешно расцвело сравнительно-историческое языкознание и, следовательно, алтаистика как его отрасль. Но в XVIII в. еще не сложилось осознание того, «что надежным путеводителем через многообразие языков для нахождения их родства и для прослеживания их исторического развития может служить не сходство отдельных слов . . . но прежде всего одна только исчерпывающая разработка всего языкового строя, всей грамматической структуры. Осознание этого принципа в конце XVIII и к началу XIX в. витало, так сказать, в воздухе, и признание его исходило с разных сторон, независимо друг от друга»⁵⁸.

Образцом того, что знало в самом начале XIX в. западноевропейское языкознание об алтайских языках, может служить обобщающий четырехтомный труд Иоганна Христофа Аделунга⁵⁹ (1732—1806) «Митридат, или всеобщее языкознание». Здесь в классе многословных языков в разделе о Северной и Средней Азии выделены: 1) тюрко-татарские народы и языки (18 языков и диалектов) — на основе материалов Витсена, Палласа, Рычкова, Георги, Беллинсгаузена и др. и грамматик турецкого языка (24 названия); 2) монгольские языки и народы (монголы в соб-

⁵⁷ Ср.: N. P o r r e, Introduction to Altaic Linguistics, стр. 3, 125; O. D o n n e r, Die uralaltaischen Sprachen, — «Finnisch-Ugrische Forschungen», Bd I, H. 1, Helsingfors — Leipzig, 1901, стр. 128—146.

⁵⁸ В. Т о м с е н, История языковедения. . . , стр. 50—51.

⁵⁹ J. C h r. A d e l u n g, Mithridates oder allgemeine Sprachenkunde. . . , т. I—IV, Berlin, 1806—1817.

ственном значении, или халха, ортосы, тумюты, калмыки, буряты) — на основе отдельных списков слов; 3) маньчжурские языки и народы (собственно маньчжуры, тагуры, или да-уры по Селенге и у Байкала, тунгусы и ламуты — у них около восьми диалектов, прочие племена: по Амуру — гилияки, язык которых неизвестен, на Сахалине — орочи) — на основе материалов Витсена, Страленберга, Палласа, Георги, Фишера, Лессенса, маньчжурской грамматики Амьо; 4) корейцы⁶⁰.

Тюркские, монгольские и маньчжурские народы по языку, а частью и внешностью очень отличны друг от друга, поэтому «их не без величайшего принуждения можно производить один от другого»⁶¹. Указано, что язык тунгусов сильно отличается от маньчжурского. Следует заметить, что в труде И. Х. Аделунга дается также краткая характеристика языков, которая определяется объемом имевшихся тогда сведений: при наличии грамматик она пространнее. Так, в отношении маньчжурского языка Аделунг замечает, что он богат оноματοпоэтическими словами, в нем заметны следы односложного языка (типа китайского).

Таким оставался объем материала по алтайским языкам, подвергаясь лишь незначительным дополнениям, почти до 50-х годов XIX в., когда в изучении алтайских языков совершился значительный количественный и качественный скачок, ознаменовавшийся появлением трудов О. Бётлингга, М. Казембека, М. А. Кастрена, Я. Шмидта, А. Бобровникова. Но это относится также и к иному этапу в развитии науки о языке — этапу зарождения и становления сравнительно-исторического метода в языкознании.

После работ Р. Раска, Фр. Боппа, Я. Гримма, А. Х. Востокова и их последователей, которые принесли в науку новое понимание задач и путей исследования языков индоевропейской семьи, обозначились возможности в изучении языков и других семей⁶². «Главная ценность их работы находит свое отражение в практике научного исследования. . . Сравнительно-историческое изучение языков. . . было тесно связано с формированием идеи о генетических отношениях индоевропейских языков»⁶³. Теперь уже в обобщающих работах по различным языкам все большее внимание уделяется вопросам их родства между собой, аргументированию того, почему тот или иной язык включается именно в данную группу, а также углубленному изучению их грамматического строя и лексики. Это следует отнести и к алтайским языкам.

⁶⁰ См. там же, ч. I, стр. 449—513.

⁶¹ Там же, стр. 451.

⁶² См.: В. Томсен, История языковедения. . . , стр. 51—87, 117—135; Б. Дельбрюк, Введение в изучение языка, СПб., 1904; А. В. Десницкая, Вопросы изучения родства индоевропейских языков, М.—Л., 1955.

⁶³ В. А. Звегинцев, История языкознания XIX и XX веков в очерках и извлечениях, ч. I, М., 1960, стр. 26.